

Рассматривается архитектура первой деревянной крепости в Приамурье, ставшей своеобразным форпостом на границе с Маньчжурией. Анализируется планировочная структура крепости и ее конструктивные особенности, связанные с изменением первого тынового острога на крепость со срубными стенами, а затем и деревоземляную, окруженную валами. Статья написана на основе изучения литературы, архивных материалов и натурного исследования, проведенного автором на месте Албазинского острога в 2009 году.

Ключевые слова: Албазин; Амур; воевода Толбузин; тын; городни; китайская осада; земляной вал. /

The article examines the architecture of the first wooden fortress in the Amur region, which became a kind of outpost on the border with Manchuria. The author analyzes the planning structure of the fortress and its design features associated with the change of the first fort with palisades to a fortress with log walls, and then a timber-earth fortress surrounded by an earthen rampart. The article was written on the basis of a study of literature, archival materials and a field study conducted by the author at the site of the Albazin fort in 2009.

Keywords: Albazin; Amur; voyevoda Tolbuzin; palisade; "gorodni"; Chinese siege; earthen rampart.

Албазин – русский форпост на Амуре / Albazin: Russian outpost on the Amur

текст

Николай Крадин

Тихоокеанского государственного университета /

text

Nikolai Kradin

Pacific National University

В российской истории XVII век имеет огромное значение в связи с освоением и присоединением в этот период к России новых земель, расположенных вдоль рек Шилка и Амур – в Забайкалье и Приамурье на Дальнем Востоке. Известно, что эта далекая от столиц восточная окраина России тоже примечательна своей давней историей, однако многое в ней остается до сих пор досконально не изученным. Тем не менее многие исторические документы, сохранившиеся в центральных российских архивах, свидетельствуют о том, что официально первые поселения на восточных российских окраинах появились начиная с середины XIX века, однако на самом деле русские казаки-первопроходцы пришли «для проведения новых земель» на берега Амура намного ранее, еще в середине XVII столетия, когда известный русский землепроходец Ерофей Павлович Хабаров (около 1603 – 1671, с. Хабаровка, Якутия) совершал свой знаменитый поход по Амuru, где он находился с января до конца мая 1650 года. Летом того же года он вторично отправился в Даурию и зимовал в Албазине, а в ноябре сплавлялся вниз по Амuru, где облагал ясаком улусных людей, и дошел с небольшим отрядом до даурского городка местного князя Албазы. Степан Васильев Поляков в отправлен-

ной челобитной к царскому двору об этом написал: «И как суды поделали, и июня в 10 день из Албазина городка поплыл он, приказной человек Ярофей Хабаров на низ по Амuru реке, а Албазин городок покинул пуст». Хабарову тогда пришлось повоевать с маньчжурами в Ачанском городке, где на его отряд напало около двух тысяч человек верхом на конях, да еще и с пушками. Тем не менее отряд Хабарова отбил от маньчжуров.

Примечательно, что в центральных российских архивах сохранились не только письменные свидетельства об этих трудных многомесячных походах русских землепроходцев, которые оставляли описания своих маршрутов, но и схемы путей движения, сообщения о местном населении, климате и т. д. Примером подобного типа документов могут быть и отписки об этих походах в Албазин, составленные русскими землепроходцами, до сих пор сохранившиеся в архивах. Вот краткая выдержка одной из отписок такого рода, в которой довольно подробно излагается не только сам путь, но и сроки продвижения от одного пункта до другого: «...А Амуром рекою в низ мимо устья реки Черная до устья Урки реки, где бывае китайский Лапкаев город, а ныне зовется Албазинской острожек: а живут в нем государевы служилые люди. А от того острожка в низ по Амuru реке, мимо устья Комары реки до устья Зии реки, плыть неделя; а с устья Зии по Амuru до устья Шингала плыть неделя же; а на устье Шингала караул китайской... И от того Камарского острога вниз плыть Амуром до Албазинского острога 4 сутки... Албазинской острог построен был на той же левой стороне с китайского боку; Албазинка речка устьем пала в Амур, и та земля зело добра, понеже изо всех государских Сибирских городов на той Даурской земли всякой хлеб родится: рожь и яровой из единой меры родится 50, 60 и 70 мер; а по великой реке Амур по берегам и по островам сам собою виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амуре против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб: белуг чистых, больших калужек, осетров, стерлядей, сазанов, лосей и всякой мелкой безчисленно много, и всякия безчисленныя ягоды роятся, иныя же им имены не знати...» [1, с. 89, 90]. Этот редкий исторический документ – яркое и наглядное свидетельство того, насколько детально и подробно

> Рис. 1. Приамурье в XVII веке. Карта-схема, составленная землепроходцами

< Рис. 2. Н. Каразин. Сибирские казаки у проведывания новых земель. 1891

землепроходцы излагали полученную ими информацию с мест. Составленные ими карты-схемы путей движения (рис. 1) не только подкрепляли словесную информацию Хабарова и его сподвижников, но и становились основой для разработки впоследствии различных картографических материалов.

Истории возникновения русских поселений в этом восточном регионе уделяли внимание многие российские ученые, однако, к сожалению, кроме письменных свидетельств о тех давних событиях, нет практически никаких документальных изобразительных материалов – ни фотографий, ни точных зарисовок или подробных, детальных описаний. Вместе с тем следует отметить, что многие художники XIX – XX столетий, а также современные, уделяли и продолжают уделять внимание этой не только интересной, но и весьма важной исторической проблеме. Среди художников в первую очередь следует назвать Н. Н. Каразина, работавшего во второй половине XIX – начале XX века (1842–1908), известного мастера батальной живописи, изображавшего на своих многочисленных полотнах не только Среднюю Азию, но и Сибирь. В данном случае для нас наибольший интерес представляет его живописное полотно «Сибирские казаки у проведывания новых земель», выполненное в 1891 году (рис. 2). Не менее интересны на эту тему и полотна яркого приморского художника-мариниста В. И. Шилыева (1948–2017), который с 1982 года жил и работал во Владивостоке. К теме данной статьи прямое отношение имеют его две довольно реалистичные работы – «Первые казаки на Амуре» (рис. 3) и «Албазинский острог» (рис. 4).

Что же касается непосредственно портретов землепроходцев, то в этом плане дело намного сложнее. В частности, из сведений о Ерофее Хабарове нам известны всего лишь многочисленные упоминания о нем в различного рода исторических документах. Правда, в литературе и некоторых публикациях можно найти несколько живописных портретов и других его изображений, которые художники создавали по своему воображению, опираясь лишь на собственные познания. К примеру, на одном из полотен работы неизвестного автора Ерофей Хабаров изображен совсем уж непохожим на его схематично

^ Рис. 3. Первые казаки на Амуре. Художник В. Шилеев

< Рис. 4. Албазинский острог. Художник В. Шилеев

> Рис. 6. Памятник Ерофею Хабарову в Хабаровске. Скульптор А. Мильчин. 1958. Фото Н. П. Крадина, 2022

> Рис. 7. Маньчжуры. Неизвестный художник

описываемые портреты (рис. 5). Более реалистичным, что ли, он показан на рисунке Николая Фомина. Автор – художник-самоучка, охотовед, великолепный знаток природы, повадок зверей и птиц, которых он изображает на своих многочисленных рисунках и картинах. Более того, он большой знаток фольклора скандинавских стран. Интересно, что его многочисленные творческие работы на темы природы и исторического прошлого пользуются невероятной популярностью не только в России, но и в зарубежных странах.

Однако вернемся к портретам Хабарова. Уже в середине XX столетия, в 1955 году, на хабаровской краевой творческой выставке местный скульптор-самоучка Абрам Пейсахович Мильчин (1912–1994) представил не просто портрет, а проект памятника в полный рост этому землепроходцу. Спустя несколько лет после этой выставки, к 100-летию юбилею (1958) города Хабаровска, скульптурная фигура знаменитого землепроходца, установленная на высоком постаменте, имитирующем скалу, появилась в центре привокзальной площади Хабаровска (рис. 6). С тех пор этот памятник по праву считается едва ли не главным символом столицы Хабаровского края. Разумеется, скульптурный образ Ерофея Хабарова, созданный творческим воображением А. Мильчина, в большей степени является собирательным. Работая над портретом этого землепроходца, автор создавал его опираясь на образы людей волевых и сильных духом, каковыми по сути дела и являлись русские землепроходцы, открыватели неизведанных земель. В результате мы видим на постаменте образ именно такого человека, волевого и уверенного в себе, способного вести отряд сквозь дебри тайги, невзирая ни на какие препятствия, трудности и невзгоды.

Многие исторические документы того времени свидетельствуют, что в XVII столетии на этапе исследования и открытия новых, как тогда говорили, «землиц», вооруженные стычки между пришельцами и местным населением происходили довольно часто, являясь, по сути дела, обычным способом «выяснения отношений» при встречах и столкновениях. Так уж сложилось исторически, что на приамурские свободные земли стали претендовать и соседи с противоположного берега Амура, так называемые

маньчжуры (рис. 7), поэтому между ними и русскими стали частенько происходить междоусобные «разборки», иногда переходившие в достаточно серьезные военные столкновения, в том числе со стрельбой из пушек. Важно при этом отметить, что на основе более поздних исследований похода Ерофея Хабарова на Амур и сопутствующих этому событию документов многими историками было убедительно доказано, что «Приамурье никогда не было территорией Маньчжурии и тем более Китая, а вооруженные вторжения Цинской империи на территорию Приамурья, которое к этому времени уже было включено в состав России, носили явно выраженный захватнический, провокационный характер» [2, с. 23]. Амур являлся, как пограничная река, своеобразной разделительной полосой. На его правом берегу находилась Маньчжурия, а на левом – Россия. Естественно, в своих приграничных территориях русские были вынуждены возводить различного рода укрепления, чаще всего в виде крепостей разного типа (деревянные тыновые остроги, срубные деревянные города-крепости, а позднее даже земляные крепости и др.).

Разновидности укреплений, как правило, менялись и усложнялись вместе с появлением новых типов оружия, а также в связи с изменением способов ведения военных действий. Первым укреплением в Приамурье стал Албазинский острог, или городок, как его называют иногда историки-исследователи в своих научных публикациях. Основанный в 1651 году на высоком берегу Амура Ерофеем Хабаровым, он стал с середины XVII столетия своеобразным русским форпостом в этом приграничном восточном регионе. Не только местоположение острога, пути движения по рекам, но и изображение стычек между русскими казаками и маньчжурами сохранились на многочисленных картах и рисунках более позднего времени (рис. 8, 9). Подобного рода изобразительные материалы наглядны сами по себе, но они еще и довольно эмоциональны и красноречивы по своему содержанию. Не без основания можно говорить о том, что названные изображения довольно правдивы в своей основе, поскольку имеют весомую опору на документальные исторические материалы: отписки, грамоты, царские указы и т. д. Таким образом, все документы данного

> Рис. 5. Портрет Ерофея Хабарова. Неизвестный художник

^ Рис. 8. Стычка казаков с аборигенами. Неизвестный художник

^ Рис. 10. Изображение Албазина на китайском рисунке

типа с полным основанием можно считать материалами иллюстративного характера ко многим письменным историческим документам. Особый интерес, конечно же, представляют для исследователей различные чертежи с изображением путей движения землепроходцев на Амур. Примечательно, что сам сюжет осады Албазина и противостояния русских с маньчжурами нашел отражение даже на китайском рисунке (рис. 10).

Важно также отметить, что тему освоения Приамурья активно развивали не только историки, но и художники, сюжеты картин которых включали изображение путей передвижения первопроходцев, волоков и типов судов (кочей), на которых они передвигались по рекам. Причем, сплавливаясь, они часто встречали на своем пути множество естественных препятствий (перекаты, мели, участки суши между водоемами), которые следовало преодолевать тем или иным способом, проявляя порой недюжинную смекалку и изобретательность. Одним из таких способов являлся волок, когда судно (коч) надо было перетянуть собственными силами по суше от одного водоема к другому (рис. 11). Однако это применялось лишь в том случае, когда расстояние от одной речки до другой было небольшим. В безветренную погоду русские землепроходцы обычно сплавливались по рекам на веслах, и, лишь когда поднимался ветер, они ставили на свои кочи паруса, продолжая движение непосредственно по реке (рис. 14, 15)

Противоборствующие стороны в тот исторический период, естественно, возглавляли конкретные лица, представители властных структур. Со стороны России к тогдашней амурской военной эпопее имел отношение Федор Алексеевич Головин, заключивший, как известно, Нерчинский договор, по которому ему, правда, пришлось уступить маньчжурам часть Амура до его притока – Горбицы. Это произошло потому, что русские не могли вести с противоборствующей стороной серьезную войну, поскольку не имели ни запасов продуктов, ни необходимой военной базы и вооруженной силы.

Как известно, все первые поселения XVI–XVII столетий на восточных окраинах России (в Сибири, Забайкалье и Приамурье) представляли собой деревянные крепости, которые на раннем этапе были защищены лишь

< Рис. 9. Схватка албазинцев с маньчжурами. Неизвестный художник

тыновыми, а уже позднее и срубными стенами. В данной статье речь идет именно о таких деревянных крепостях, расположенных в районах Приамурья и Забайкалья. Известно, что все территории, находившиеся вдоль Амура, в то давнее время никакому государству, собственно, и не принадлежали, хотя люди здесь жили, занимались охотой и рыболовством. С приходом же сюда русских их стали облагать пушным налогом, который они обязаны были приносить в близлежащие сборные пункты (остроги и срубные крепости). Сюжет подобного рода можно видеть на рисунке «Сбор ясака в Сибири» из Кунгурской летописи XVII века (рис. 12). Данное историческое обстоятельство нашло отражение также и в других гравюрах и рисунках того времени (рис. 13). Отказ инородцев от платежей часто приводил к стычкам, поэтому первопроходцы и стали здесь закрепляться, устраивая небольшие деревянные крепости, укрепленные сначала тыновыми, а затем и срубными, значительно более прочными стенами. Именно в такие укрепленные пункты аборигены, обитающие вблизи острога и промышлявшие пушнину (соболя, белку, лисицу и других ценных своим мехом зверьков), обязаны были приносить и сдавать ясак.

Разумеется, еще раньше подобного рода деревянное оборонное строительство появилось на территории Сибири, где первые срубные крепости стали рубить в XVI столетии, а с начала XVII века русские казаки, спускаясь по рекам, пришли и на Амур. Уже в середине XVII века на этой восточной окраине был образован Даурский уезд,

^ Рис. 11. Волок на сибирских реках. Рисунок Л. Козьминой

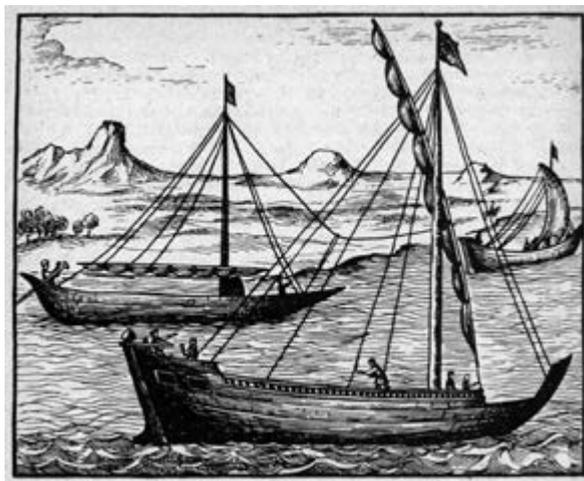
который охватывал территории современных Амурской области и Забайкалья, а также практически всю западную часть нынешнего Хабаровского края. В этот новый уезд входили восемь забайкальских острогов (Аргунский, Иргенский, Баргузинский, Селенгинский, Телембинский, Еравненский, Удинский и Нерчинский), а также пять деревянных крепостей, которые располагались на территории Приамурья (Усть-Стрелочный, Ачанский, Албазинский, Кумарский и Косогорский остроги). Кроме того, ко второй группе следует также отнести и еще три острога, находившихся на северо-востоке (Охотский, Анадырский и Колымский), которые возникли несколько позднее.

Из всех вышеперечисленных нас интересует только Албазинский острог, а также вся его историческая эпопея. Как уже отмечалось, историю этого укрепления и его названия следует связывать с Ерофеем Хабаровым, который еще в 1649–1650 годах, совершив свой знаменитый поход через Олёкму на Амур, занял городок местного князя Албазы и соорудил небольшой острожек, назвав его Албазинским. Однако летом 1651 года Хабаров был вынужден уйти со своим отрядом из Албазина, но, уходя, он сжег острог. Причины и основания для этого были весомые. Известно, что в 1650-е годы администратор Да-

урии Афанасий Пашков, заготавливая лес на реке Ингоде для строительства Нерчинского острога, одновременно заготовил строительный материал и для Албазинской деревянной крепости. Однако собранные из острожных бревен плоты сильным течением разбило, и значительную их часть унесло течением вниз по реке. Данному обстоятельству имеется даже документальное подтверждение: так, уже позднее, возвращаясь осенью 1658 года на зимовку в Кумарский острог, служилые люди видели, что «по Амуру де реке по островам и по берегам... лежит многой лес церковной и острожной, и башенной». Служилые предположили, что лес этот унесло течением от Афанасия Пашкова, который должен был заготовить его для острога на Амуре.

Таким образом, срубить Албазинский острог Пашкову не удалось, но это сделал уже в 1665 году Никифор Черниговский. По прошествии девяти лет, при передаче острога приказчику С. М. Вешнякову, была составлена «Роспись государевой казны Албазинского острогу», в которой имеется даже краткое описание укреплений этой деревянной крепости: «Албазинский острог с нагорней, покрыт тесом, а в остроге башен: две по углам от Амура реки, под теми башнями избы, верхи шатровыя, покрыты тесом, а третья башня – приказ, сверху приказу – чердак караульной, покрыт тесом, а в остроге колодезь на водолейке да амбар Воскресенский в надолбах, часовня» [3, с. 102].

Основывая свои поселения в Приамурье, русские землепроходцы всегда преследовали мирные цели, а ясак старались собирать мирно, «ласкою и приветом», как отмечалось в отписках. Все дальнейшие события, особенно вооруженные столкновения с аборигенами, показали, что деревянные крепости оказались мало приспособленными к обороне от пушечного боя. Не стал исключением в этом плане и Албазин, хотя еще в 1681 году новый албазинский приказчик Андрей Воейков, сын нерчинского воеводы, расширил крепость, выкопал ров, сделал чеснок и устроил надолбы вокруг острога в несколько рядов. В результате до начала военных действий албазинцы жили с «великим бережением». Спустя три года, весной 1684-го, сюда прибыл первый воевода вновь учрежденного Албазинского воеводства Алексей

> Рис. 12. Русские парусные суда в Сибири. С гравюры XVIII века

^ Рис. 15. Принос ясака в острог

Обор ясака в Сибири.

Миниатюра из Кунгурской летописи XVII в.

^ Рис. 14. Сбор ясака в Сибири. Миниатюра из Кунгурской летописи

Толбузин и 16 мая принял по росписи крепость у предшественника – приказчика Михаила Волошникова. Именно эта крепость, принятая А. Л. Толбузиным, представляет для нас большой интерес с архитектурной точки зрения, поскольку в архиве сохранилось ее детальное описание, с указанием размеров, конструктивного устройства и многих других подробностей.

После перестройки и расширения Албазинская крепость состояла из двух поясов стен: первый, прямоугольной формы тыновой острог размером 18 × 13 сажень постройки Никифора Черниговского оказался внутри второго, более крупного (44 × 40 сажень), возведенного уже со срубными стенами А. Воейковым. Одна стена крепости, протянувшаяся вдоль обрывистого берега Амура, была у обоих острогов общей. К трем прежним башням добавились еще четыре – три квадратных и одна «круглая». Так называли в описях башни восьмиугольной формы в плане. Главная башня, имевшая такую форму, со стороны равной 8,4 м, была и самой высокой. Эта величественная и стройная башня, а также и еще одна, расположенная в середине восточной стены крепости, были проездными и самыми крупными по размерам. Высота квадратной проездной башни составляла 20, а круглой – 30 м. Все остальные башни имели значительно меньшие размеры – и в плане, и по своей высоте. Однако все они, выполняя конкретные функции, удовлетворяли потребности защиты этой уникальной русской деревянной крепости на Амуре. На представленных здесь фотографиях с макета деревянной Албазинской крепости, выполненного автором статьи, можно наглядно увидеть обе крепости: первую – с тыновыми стенами и тремя башнями – и вторую – срубную, с восемью башнями (рис. 16).

Самой выразительной и крупной башней в Албазинской деревянной крепости являлась восьмигранная в плане проездная башня, поставленная в середине южной стены крепости. Верхний ее ярус представлял собой колокольню-звонницу с высоким и стройным шатром. Благодаря выразительному силуэту и огромной высоте, эта башня-колокольня служила своеобразным ориентиром. Контрастируя с остальными постройками и природным окружением, она являлась доминантой всего окружающего пространства. Вместе с тем нельзя

< Рис. 13. Коч под парусом

не отметить, что мощная по размерам и выразительная по своей архитектуре башня, хотя и внушала уважение, но против пушечного боя и она оказалась бессильной. В 1685 году, осажденная с 12 по 23 июня маньчжурами, крепость не смогла противостоять длительное время противнику. Окопавшись вдоль берега Амура, маньчжуры стреляли по крепости из луков, отвлекая защитников. Две стены крепости, северную и южную, они обстреливали из пушек, а восточную готовились брать навалым приступом. Несколько раз они предлагали русским казакам сдаться в плен, однако в ответ на это позорное требование воевода Алексей Толбузин «наговорил нескромных слов» в адрес противника. Бесперывно обстреливая стены и башни острога, маньчжуры причинили большие разрушения, но тем не менее овладеть ею они так и не смогли. Правда, уходя из Албазина, они увезли с собой около 40 русских казаков, взяв их в плен. Данный сюжет нашел отражение в искусстве. Помнится, более 20 лет назад в Харбинском городском музее мне довелось увидеть картину, изображающую данный сюжет (рис. 17).

Толбузин понял, что малочисленным гарнизоном полуразрушенную крепость удержать не получится, поэтому согласился на переговоры, в результате которых остатки гарнизона крепости были отпущены китайцами в Нерчинск, где состоялся, как теперь принято говорить, «разбор полетов». Крепость, ее место, никоим образом

> Рис. 16. Макет Албазинского острога. Автор реконструкции и макета Н. П. Крадин

терять было нельзя – к такому выводу пришли воевода Нерчинска и его ближайшее окружение.

Тогда воевода И. О. Власов, «чтоб не потерять государственной Даурской земли и побежной из Нерчинска славы не учинить», вновь снарядил в Албазин военную экспедицию. Благо к этому времени в Нерчинск уже прибыл с отрядом и вооружением Афанасий Иванович Бейтон – крупный русский специалист по строительству крепостей. Алексею Толбузину было велено, «высмотря крепкое угоднее место, чтоб близ воды и лесу, острог или город поставить... а острог... ставить со всеми городовыми укреплениями, ниже старого Албазинского острожного места, чтоб неприятелю было не в уступку» [5, с. 82, 83].

Анализируя создавшуюся ситуацию, Толбузин с Бейтоном пришли к выводу, что прежнее местоположение крепости – самое лучшее с точки зрения организации обороны, поэтому для строительства новых укреплений они выбрали старую площадку, учтя при этом недостатки предыдущей деревянной крепости, прежде всего – уязвимость ее деревянных стен «огненному бою». Именно поэтому основное внимание строители уделили валу, сооруженному под руководством Афанасия Бейтона из глины, дерна и стволов деревьев. Вал имел шестиметровую высоту, а ширина его у подошвы составляла более восьми метров. Толбузин сделал деревянную модель (образец) крепости и отправил ее в Москву. Нерчинский воевода, осматривая образец, обратил внимание, что стену крепости, проходящую вдоль Амура, необходимо усилить башней, чтобы с нее можно было вести пушечный огонь и тем самым препятствовать близкому подходу маньчжурских войск непосредственно к крепости со стороны Амура. Как показали дальнейшие события, сочетание деревоземляных укреплений с деревянными оказалось самым эффективным в конструкции и структуре новой русской крепости, а следующая многомесячная осада ее маньчжурами в 1686–1687 гг. не сломила духа и стойкости защитников Албазина – крепость устояла, выдержав даже при ее массированном обстреле. Автору этой статьи довелось побывать в 2009 году на месте Албазинского острога и зафиксировать остатки земляных валов этой крепости (рис. 18).

Следует отметить, что подобная конструкция стен Албазинской крепости не являлась новшеством. Еще за 30 лет до Албазина при защите в 1655 году от богдойских войск Кумарского острога основную роль также сыграли земляные валы и рвы. Судя по многочисленным отпискам, подробно излагающим эти давние события, происходившие на Амуре в середине XVII столетия, служилым людям приходилось нелегко, постоянно на их пути встречалась «богдойская большая сила ратная со всяким огненным стройным боем, с пушки, с пищали». Казаки отмечали хорошую вооруженность маньчжуров, умение драться «конным на конех, а пешими на стругах... из-за туров и из-за увалов земляных». Как сообщал в отписке якутскому воеводе Онуфрию Степанов, «та вся у них драка ученая стоит». В другой своей отписке, отправленной после 4 апреля 1655 года, Онуфрий Степанов во всех деталях излагал события, связанные с обороной Кумарского острога, осажденного многочисленным маньчжурским войском.

В течение трех недель, с 13 марта по 4 апреля, богдойцы били из пушек и из пищалей по острогу, но служилые люди, отвечая огнем из своих пушек и делая удачные вылазки, «многих богдойских людей побили и отбили у них две пищали железные с жаграми и всякие приступные мудрости, порох и ядра, и языков поймали, раненых мужиков» [4, с. 193, 206]. Кумарский острожек, хотя и был поставлен в морозное неблагоприятное время, тем не менее отвечал всем необходимым задачам обороны.

Сравнивая конструкцию Кумарского и Албазинского острогов с устройством других сибирских крепостей, можно отметить, что приамурские остроги обладали целым рядом особенностей, которые были обусловлены тем, что крепости эти являлись действующими и сооружали их русские казаки под воздействием конкретных исторических обстоятельств и географических условий. Например, военный инженер Ф. Ф. Ласковский в свое время обратил внимание на то, что структура и расположение Кумарского острога составляют как бы переход от старинного способа укрепления к более современному. То же самое, кстати, следует сказать и о последнем Албазинском остроге, его деревоземляных укреплениях. Иными словами, эволюция приамурских крепостей про-

< Рис. 17. Маньчжуры увозят в плен албазинцев. С картины неизвестного художника. Харбинский городского музей

исходила в соответствии с теми новшествами, которые появлялись в военном деле и вооружении, а также с теми задачами, которые возникали в тот или иной период.

Краткий анализ исторических событий, связанных с героической обороной Кумарского и Албазинского острогов в Приамурье, показывает, что архитектура русских крепостей на восточных окраинах России обладала довольно высокими не только художественными, но и конструктивными достоинствами. Изначально сибирские крепости несли больше символики, олицетворяя силу и мощь русского государства, но в условиях военной опасности такие крепости могли быстро перестраиваться и выполнять свои прямые, оборонительные функции, приспосабливаясь к конкретным изменениям и новшествам. Наглядным примером таких изменений на востоке России как раз и стал Албазинский острог – одна из оригинальных русских крепостей XVII века в Приамурье.

Материалов, имеющих отношение к крепости, сохранилось довольно много, и они продолжают появляться, поскольку исследователи не утратили интерес к этой теме. Самое, пожалуй, раннее изображение острога имеется на графическом документе «План Албазинского укрепления и китайского лагеря в нынешнем их состоянии» (рис. 22). Правда, река Амур здесь показана шириной с сам острог, но на размерной линейке, прочерченной поперек реки, обозначена и истинная ширина Амуре в этом месте – 230 м. Габариты же самого острога позволяют определить такая же масштабная линейка, изображенная под чертежом этого документа. На противоположном берегу Амуре тоже показано поселение – китайский укрепленный лагерь.

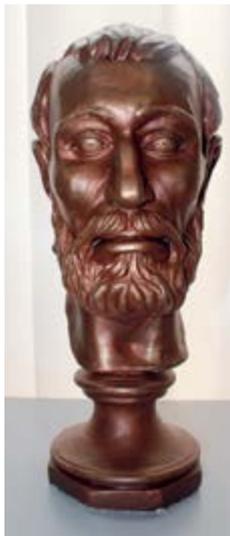
Названные выше графические документы в совокупности с письменными материалами (описание и росписные списки острога) позволили с высокой точностью определить не только конфигурацию Албазинского острога, но и его планировочную структуру, места расположения всех башен и их конкретные размеры. Схема плана Албазинского острога довольно наглядна для понимания структуры этой деревянной крепости, на которой показаны три пояса защиты: тыновой острог с тремя башнями, огражденная срубными стенами крепость с пятью башнями и ров с водой, обрамляющий крепость с трех сторон

(с четвертой стороны ее защищал сам Амур). Подробные архивные описания крепости и ее отдельных элементов позволяют с большой долей вероятности воспроизвести ее композицию не только в панорамных рисунках, но и в макете, который выполнялся автором статьи в точном соответствии с описанием устройства этой деревянной крепости и указанием размеров башен, стен, расстояний между строениями, зафиксированных в архивных документах – так называемых росписях, выполненных непосредственно самими строителями этого уникального пограничного укрепления XVII века на Амуре.

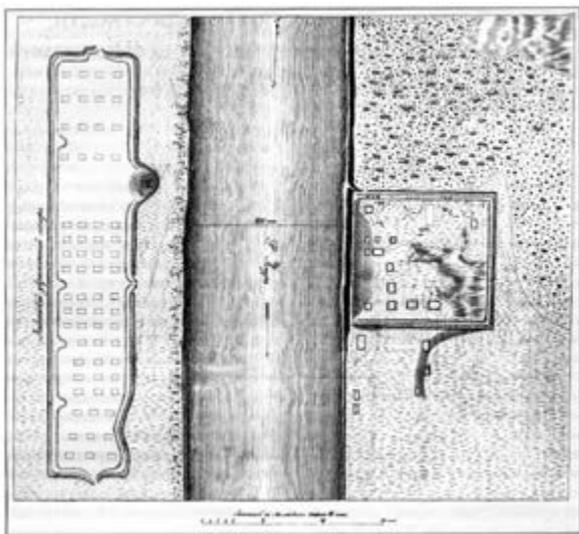
Имелась у Албазина и собственная печать «великих государей сибирские земли Албазинского острогу», описание которой гласит: «В серебряном поле черный, с золотыми клювом, языком и лапами орел, обращенный влево и коронованный золотом, держащий в правой лапе золотую опрокинутую стрелу, а в левой – лук того же металла, тетивой от себя (рис. 19). Девиз «Един за единого» начертан черными литерами на серебряной ленте, имеется и его графическое изображение. Примечательно еще и то, что данное изображение албазинского герба стало составной частью и современного герба этого поселения (рис. 20).

< Рис. 18. Остатки земляного вала крепости в Албазине. Фото Н. П. Крадина, 2009

^ Рис. 21. Реконструкция портретного образа албазинца. Авторы – антрополог Д. В. Пежемский, художник А. Н. Рыжкин

^ Рис. 22. План Албазинского укрепления и китайского лагеря

^ Рис. 23. Икона Албазинской Божией Матери «Слово плоть бысть»

^ Рис. 20. Герб Албазина «Един за единого»

В 1859 году, спустя 170 лет, в ходе одного из сплавов по Амуру графа Н. Н. Муравьева-Амурского здесь, среди следов сохранявшегося земляного вала Албазинского острога, был проведен торжественный молебен и заложена церковь в память о павших защитниках. Тогда же была основана и казацкая станица Албазино. В 1885 году архиепископом Гурием день 9 марта (22 марта по новому стилю) был установлен как церковный праздник в честь иконы Албазинской Божией Матери «Слово плоть бысть». Более того, известно несколько списков этой святыни, выполненных в разное время иконописцами, поскольку данная историческая икона (рис. 23) считается одной из самых почитаемых святынь среди русского православного населения.

Таким образом, история Албазинской крепости (тыновой, срубной и земляной) нашла отражение не только в исторических документах, но и в материалах исследователей разных поколений, в том числе и современных. Героическая история этой крепости жива в памяти многих поколений забайкальцев и дальневосточников. Вместе с тем следует отметить, что изучение давней албазинской эпопеи продолжается до сих пор, о чем свидетельствуют ежегодные археологические раскопки на месте этой крепости, в процессе которых археологи и историки по крупицам собирают ее артефакты, пополняя тем самым историю этого уникального комплексного памятника археологии, истории и архитектуры. В процессе раскопок на территории крепости были найдены кости скелетов и черепа многих албазинцев. На основе одного из таких артефактов (череп) была выполнена реконструкция и создан портрет защитника Албазинской крепости (рис. 21). Реконструкция осуществлялась по методике известного российского антрополога М. М. Герасимова (1907–1970). Авторы реконструкции – антрополог Д. В. Пежемский и художник А. Н. Рыжкин. Можно сказать, что история Албазинской крепости трудами многочисленных исследователей продолжает открывать свои тайны, расширяя наши познания в области освоения русскими Приамурья в XVII столетии. Цепочка подобных исследований, выполняемых на протяжении многих десятилетий, открывает для нас новые факты, складывающи-

еся в общую картину-мозаику давней и интереснейшей албазинской эпопеи.

Литература

1. Титов, А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях: с приложением снимка со старинной карты Сибири. – Москва : Типография Л. и А. Снегиревых, 1890. – 246 с.
2. Леонтьева, Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – Москва : Просвещение, 1991. – 144 с.
3. Албазинский острог. История, археология, антропология народов Приамурья. – Новосибирск – Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с.
4. Русско-Китайские отношения в XVII в. Т.1: 1609-1683. – Москва, 1972. – 613 с.
5. Русско-Китайские отношения в XVII в. Т. 2: 1686–1691. – Москва, 1972. – 835 с.

References

- Albazinsky ostrog. Istoriya, arkhologiya, antropologiya narodov Priamurya [Albatzian Ostrog. History, archeology, anthropology of peoples of Priamurye] (2019). Novosibirsk: Publishing house of IAET SB RAS.
- Leontieva, G. A. (1991). Zemleprohodets Erofei Pavlovich Khabarov [The pathfinder Erofei Pavlovich Khabarov]. Moscow: Prosveshcheniye.
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v. [Russian-Chinese Relations in the 17th Century] (Vol. 1: 1609-1683) (1972). Moscow.
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v. [Russian-Chinese Relations in the 17th Century] (Vol. 2: 1686-1691) (1972). Moscow.
- Titov, A. (1890). Sibir v XVII veke. Sbornik starinnykh russkikh stilei o Sibiri i prilozhashchikh k nei zemlyakh: s prilozheniem snimka so starinnoi karty Sibiri [Siberia in the 17th century. A Collection of Old Russian Articles about Siberia and its Adjacent Lands: With an Appendix of an Old Map of Siberia]. Moscow: Tipografia L. i A. Snegirevykh.

v Рис. 19. Печать Албазинского острога

